

Павел Иванович Ильминский

ПОКОЛЕНИЯ

Исторические миниатюры

Павел Ильминский

**Поколения. Исторические
миниатюры**

«Издательские решения»

Ильминский П.

Поколения. Исторические миниатюры / П. Ильминский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836300-9

Когда человек впервые испробовал всю сладость яда власти, а попробовав раз, уже не смог устоять перед неодолимой притягательностью этого нового наркотика. Когда охотничья снасть вдруг стала оружием, предметом, необходимым для устрашения и управления другими. Виновно ли в том оружие? Да, наверное, и нет. Ведь отлившему его мастеру неведома была судьба его. То ли дерево строгать, то ли людям горло резать. Но людям, отведавшим крови сородичей, было уже не остановиться.

ISBN 978-5-44-836300-9

© Ильминский П.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Бронзовый нож	6
Голод	7
Чужой	10
Кошка	14
Совет	18
Волки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Поколения
Исторические миниатюры
Павел Иванович Ильминский

© Павел Иванович Ильминский, 2017

ISBN 978-5-4483-6300-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Бронзовый нож

Посвящается любимой женщине Надежде Ильминской прожившей со мной всю жизнь и умевшей поддержать в тяжелый час. Спасибо за то, что была рядом со мной!

Голод

Не будет пусть никто из нас голодным,
И пусть никто не будет слишком сыт:
Один от голода бывает злобным,
Другой нам зло от сытости творит.

Расул Гамзатов

Айк бодро шагал туда, куда уходит спать солнце. В племени родовичи, прозвали его Айк быстрый, за его крепкие ноги, за неутомимый бег. Когда юношей посвящали в охотники, в беге по лесу, Айку не было равных. Вот и сейчас, когда голод ночным зверем подкрался к племени, старейший и мудрейший среди родовичей Лик Сухорукий отправил его за помощью к рыба-рям. Племя рыба-рей жило на закате в трёх днях ходкого бега Айка. С давних времён, о кото-рых сейчас едва помнил даже Лик Сухорукий, повелось, что в случае нужды охотники обра-щались к рыба-рям, а рыба-ри к охотникам. Айк не раз заходил в земли рыба-рей. Там была хорошая охота, а рыба-ри, жившие в краю великих озёр, зверя не промышляли, довольствуясь щедрыми дарами великой реки и духов озера. Айку нравился этот край, в котором горы приги-бались к земле, постепенно сходя на нет дальше к югу. Здесь, где сила гор убывала, раскинулись огромные заливные луга изумрудной зелени. Прошлогодние травы серыми волнами колыхав-шиеся под свежим ветром захлёстывали Айка до пояса, делая нелёгким и без того неблизкий путь. Здесь в океане луговой зелени, летом обычно паслись бесчисленные стада тарпанов, зуб-ров и легконогих оленей. За ними охотились свирепые дикие кошки и многочисленные вол-чьи стаи. Это были лучшие охотничьи земли у исхода гор. Но случилось нечто. По неведомым причинам тарпаны покинули зелёные луга и ушли в южные земли. За ними потянулись зубры, а за зубрами кошки. На север в горные леса уходили олени, а за теми словно горные ручьи к великой, реке заторопились их вечные гонители волки. Некогда богатые охотничьи промыслы оскудели, и охотникам приходилось уходить все дальше и дальше на юг, забираться все глубже и глубже в лесную чащу у горных отрогов, в поисках привычной добычи. Много лет племя Айка, почитавшее себя сынами медведя, не знало нужды. Даже в самые холодные зимы в ледя-

ных ямах, всегда было в досталь запасов мяса. В тайных схоронках, не переводились увязки сушёных грибов и плодов, добытых и собранных впрок. Но в эту зиму злые тёплые воды залили ямы и бережно собираемые и хранимые припасы пропали. А много ли времени надо, чтобы большое племя прикончило грибные и плодовые напаски. Без мяса оказалось, что и совсем мало. Ранняя весна сулила богатую добычу, но звери покинули привычные места и охотники возвращались с пустыми волокушами. Добыча была такой скудной, что едва могла прокормить самих охотников, а для остальных оставались жалкие крохи. Перед племенем встал страшный и безжалостный в своей неотвратимости призрак голода. Припасов для дальнего перехода на юг уже не хватало, а надежды на большую добычу таяли вместе с кусками льда в схоронных ямах. Айк ещё мальчишкой застал те дни, когда племя, меня стоянку, не поспевало собрать припасов в зиму. Тогда матери в больших корчагах вываривали старые кости, и щедро приправив воду грибами и лесной ягодой, кормили их, малышей. Потом, когда грибы закончились, в ход пошла мука, выменянная на шкуры у племени лесожёгов, выжигавших лес и засеивавших пепелища известными им одним злаками. Злаки собирали и перемалывали ручными жерновами, получая муку, которую обменивали на мясо и шкуры. Мука была редким блюдом и выпеченные на плоских камнях лепёшки подавались, как правило, в знаменательные дни, или после большой охоты. Лепёшки были хрустящие и очень вкусные, особенно если их макать в растопленное сало тарпана. Но в голодные дни в ход шел всякий припас, и мука с жидким бульоном из костей помогла тогда переждать голод. На новой стоянке, зверя было много, и охота быстро пополнила оскудевшие запасы племени. Айк уже успел забыть, как голодные охотники, возвращаясь в племя прятали глаза от украдкой брошенных взглядов на пустые сумы и волокуши. Как уходили на¹новый лов голодные и злые. Как постепенно слабея, уже не могли так как раньше, далеко и ловко метать свои копья, а стрелы из лука пущенные слабеющей рукой, все реже находили цель. Память хранила тот тяжёлый год, как напоминание о злом повороте судьбы в истории племени. Это были тяжёлые и недобрые воспоминания. Однако именно они приучили племя даже в самые сытые годы помнить о необходимости, делать запасы впрок, беречь каждый кусочек мяса, каждую, даже самую маленькую и плохонькую шкурку. Но сейчас, кропотливо собиравшиеся и бережно хранимые запасы были безнадежно испорчены. Не жаловавший рыбарей Лик Сухорукий, долго задумчиво жевал беззубым ртом кончик обвисшего уса, и все-таки скрепя сердце, велел Айку собираться в путь. Из скудных запасов племени ему выделили несколько пресных лепёшек и самую малость вяленого мяса. Мяса в племени не ели с прошлой луны. Жалкие остатки предназначались только охотникам и только в день выхода на охоту. Мужчины, давясь, поспешно проглатывали жёсткие куски, пряча глаза от женщин и детей. Да и сама охота не доставляла удовольствия, превратившись из приятного соревнования в умение и ловкости, беспшашной порой, смертельно опасной своей лихостью забавы, для настоящих мужчин, в тяжёлый изнурительно монотонный труд.

Большой Рон, уже пятый сезон водивший охоту, отозвал Айку в сторону и вдали от любопытных глаз вручил самую большую ценность племени, слегка изогнутый, длинный в пол локтя бронзовый нож. История этого ножа уходило в далёкое прошлое. По преданию, ещё отец Лика только начавший водить охоту, далеко, далеко в южных землях, случайно вышел на племя странных людей. Странное люди строили себе жилища, закапывая постройки в землю. Огораживали место стоянки стволами поваленных деревьев. И самое главное почти у каждого жилища, была вырыта яма, в которой собиралась холодная, даже в самые знойные дни вода. А возле ям выстраивались крытые очаги, в которых творилось таинство плавки металла. Племя Айку, в то время разбивало стойбище возле пещер, которыми изобиловали горы. А меняя стоянку, старалось сначала найти новые пещеры. Поход отца Лика, принёс много пользы племени. Охотники научились строить жильё из древесных стволов и копать ямы схоронки до чистого

---

¹ Бивень мамонта

льда. Но самое главное, это то, что отец Лика принёс мешок рудного камня, из которого на глазах изумлённых соплеменников и отлил первый медный топор. С тех пор, медная утварь заняла прочное место в жизни племени. Рудный камень охотники нашли далеко в горах и натаскали столько, что хватило бы и их детям. Сейчас только у ленивого, стрелы были с костяным или каменным жалом. Отец научил плавке Лика Сухорукого, а Лик учил всякого, кто хотел учиться. Айк учился охотно. Сначала он немало намучился и не один шрам от ожогов украсил его руки. Но потом, усвоив повадки жидкой меди, приловчился, и отливки стали выходить, либо дорого глянуть. Айк отлил себе, две ладони жал для стрел и медный, короткий нож. Но особой его гордостью, был обоюдоострый охотничий топор, отлитый в собственноручно изготовленную форму. Ни у кого не было такого топора. У всех топоры были обычной клиновидной формы. А в придуманном им топоре, два клина сливались в центре в единое целое. Оба лезвия были удлинены и упрочены продольными рубчиками. Получилась удобная, прочная и грозная охотничья снасть. Но что топор. Настоящей ценностью племени, был принесённый отцом Лика, бронзовый нож. За него было отдана ладонь песцовых шкур и кусок зуба древнего зверя¹, длиной в локоть. Зуб ценился высоко у всех племён. Из него получалось удивительно красивое и прочное оружие. А умельцы даже делали из него украшения, вырезая фигурки лесных, речных, горных и болотных духов. Но нож того стоил. В отличие от меди, бронза не покрывалась зелёной плесенью, была намного прочнее, и не требовала постоянной заточки стиравшей лезвие. И как не хорош был топор Айка, но и он требовал правки после каждого применения. Нож же оставался таким, каким принёс его в племя отец Лика. Странные люди, легко поделившееся умением лить медь, наотрез отказалось делиться секретами бронзы. Дошло до того, что юного охотника, взащей, выгнали из стойбища, правда разрешив забрать и нож и рудный камень. С тех давних пор и повелось, передавать нож водящему охоту. Пятнадцать сезонов водил охоту Лик, тогда носивший гордое прозвище Твёрдая рука. Потом рана нанесённая издыхающим медведем стала сушить его руку и пришла пора, передать нож Большому Рону, самому сильному и отважному охотнику племени. Но авторитет Лика в племени был непререкаем. И Большой Рон никогда не поведёт охоту без слова Лика. Видать дела были и в самом деле, хуже некуда, раз Большой Рон не колеблясь протянул нож Айку, досадливо буркнув: «Обменяешь на рыбу, если откажут в помощи». Рыбари метала не знали и в тайне Айк надеялся, что если скупой на припасы, старейшина рыбарей Тим Беспалый запрямится, то ему удастся выменять на еду свой топор. Рыбари ведь не могли знать преимуществ бронзы, а выглядел топор гораздо внушительней. Тогда нож останется в племени. Айк и сам недолюбливал рыбарей, считая их промысел ленивым. Ни ловкости тебе, ни сноровки, ни смелости, в рыбной ловле он не видел. То ли дело охота. Тут уж от твоего мастерства, порой и жизнь зависит. А какой скажите риск в рыбной ловле?

Чужой

Как я имел уже случай заметить, от дикого до ужасного только шаг.

Артур Конан Дойл. В Сиреневой сторожке

Два сезона тому назад, рыбаки прислали ходока в их племя. Ходок пришёл не с пустыми руками, с редким даром. Маленький кожаный сумок торжественно вручённый Лику, хранил горсть красного порошка. Драгоценная киноварь, или кровь гор, как её называли, в племени была незаменима в похоронных обрядах. Даже дети знали, похоронишь родовича, без киновари и его дух будет беспокойно бродить по становищу, пугая детей и женщин, отваживая зверя от охоты, да и вообще вредя всяким образом, требуя покоя и достойного погребения. Лик Сухорукий, внимательно выслушав ходока, принял дорогой дар и велел собирать охоту. Страшный, доселе невиданный зверь, поселился в землях рыбаков. Он нападал на женщин и детей, выходивших в лес по ягоды. А той весной задрал двух мужчин, ушедших в лес за лозой для рыбной снасти. Страшный зверь отрывал людям головы, унося с собой неизвестно куда тела. Рыбаки не знали охоты и не могли выследить зверя убийцу. Жуткие находки, мёртвых голов соплеменников, повергли мужчин племени в ужас. От великой нужды, прислали за помощью ходока рыбаки. Шутка сказать, за два сезона зверь убил без малого, две ладони их соплеменников. Не помочь было нельзя и Большой Рон по слову Лика, повёл охоту в земли рыбаков. Там Айк впервые и увидел удивительный и прекрасный край рыбаков. Голубые, полные вкусной и чистой воды озера казались ему живыми глазами гор. Зелёные травы по берегам приманивали оленей, а олени хищников. К водопою, тянулись многочисленные звериные тропы. Айк легко читал следы на мокрой земле. Вот здесь, разрывая по пути землю в поисках сладких корешков, прошла кабаниха со своим многочисленным семейством. А эти парные лунки в грязи говорили, что к воде прошёл сторожкий, гордый лось, со своей подругой и детёнышем. Многие могли рассказать следы Айку. Не даром Лик Сухорукий тратил своё время, выводя их в лес, ещё детишками. От восхода до полудня вёл он нескончаемый урок лесной жизни, заставляя по следу и запаху определять зверя. Искать самые малые приметки. По смятой траве определять количество стада. По малой шерстинке угадывать возраст волка. Знать лес и скрадывать зверя, учили с измальства. И ни один взрослый охотник племени не вправе был отмахнуться от докучливого мальчишки, с его бесчисленными зачем и почему, если дело касалось охоты. Оставив любое, даже самое важное занятие, охотник принимался долго и вдумчиво разъяснять несмышлёнышу тайны охотничьих троп и звериных повадок. Но горе было нетерпеливым и непоседливым, вздумай они убежать не дослушав рассказа. Неминуемая порка тонкой лозой, или жгучей крапивой ждала озорника, осмелившегося пренебречь охотничьей мудростью. Тут поневоле задумаешься, стоит ли лезть к старшим с пустыми вопросами. Хитрый

охотник и пустячный вопрос сумеет перевернуть так, что ответом будет очередной рассказ об охотничьем промысле.

Тогда, в краю озёр, Айк впервые воочию узрел и смерть. Долго охотники скрадывали невиданного зверя. По одним ему известным приметам и следам, вёл охоту Большой Рон. На земле рыбарей, для Айка, многое было не так. И следы не те и зверь дивный и непривычный. Там впервые Айк узнал про бобра и выдру охотящуюся на рыбу. Там впервой познал и парализующий разум и волю страх. Лежище жуткого зверя они нашли по охотничьим меркам довольно быстро. Луна и на четверть не успела поменять свой облик, а охота уже вышла к пещере зверя. И тут Большой Рон остановился. По всему было видно, что не решается он вести людей к чёрному зеву пещеры. Айк удивился. Он не знал ни чего такого, что могло бы напугать или привести в смятение водящего охоту. Но здесь в пещере жило явно нечто, чего Рон побаивался. В конце концов отдав короткие приказы охотникам Рон стал у пещеры стоянкой. Часть охоты ушла в лес заготавливать колья. Другая, занялась стоянкой, огородив кострами вход в пещеру, чтоб зверь не мог выбраться. И только последний из отправившихся за кольями скрылся в лесу, как с диким рёвом, презрев огонь, через костры перелетело могучее тело. Айк не успел ни чего сообразить. Давящий ужас сковал сильное и доселе послушное тело. В пол оборота к нему стоял громадный, в полтора роста Большого Рона, полу зверь, полу человек. Широченные плечи бугрились могучими мышцами перекачавшимися под короткой буровато-чёрной шерстью. Маленькая голова на короткой почти незаметной шее оскалилась пастью с двумя выступающими небольшими клыками. Красные маленькие глазки злобно сверкали под большим покатым лбом с нависшими выступающими над ним надбровьями. Огромные руки свисавшие ниже колен, вдруг взметнулись с непостижимой скоростью и обрушились на плечи не успевшего, или не сумевшего даже шелохнуться Дага, молодого охотника приставленного следить за кострами. Дальнейшее произошло в мгновение ока. Плотно зажав под мышкой тело Дага, зверь одним движением правой руки оторвал и отбросил в сторону голову. Перекинув брызжущее кровью, обмякшее тело через плечо, он одним прыжком раскидал редкую цепочку опешивших как и Айк охотников и прорвав окружение метнулся к лесу. Рука Айка, все ещё с непостижимой медлительностью тянулась к топору, когда единственный, кто не потерял души и воли Большой Рон, вскинул свой огромный лук. Когда он успел его достать и расчехлить. Когда натянул жилу тетивы Айк не видел. Только гудение спущенной в погоню стрелы, вернуло Айка к жизни. Убежавший уже на полную ладонь² шагов невиданный зверь на очередном прыжке вдруг споткнулся и вместе со своей безжизненной ношей рухнул в набегавшие волны травяной зелени, подминая под себя тело несчастного Дага. Да, лук у Рона был знатный. Сделанный из тщательно высушенной и обработанной песком, цельной ветви могучего дуба, усиленный на концах оленьим рогом и сгибаемый только всем немалым весом Рона при упоре на землю, он мог метать тяжёлые стрелы на две полных ладони шагов. Жала для стрел Рона Айк отливал сам лично. Они даже небыли жалом, в привычном понимании этого слова. Скорей они напоминали наконечники для небольшого копья. Правда и стрелять из этого лука кроме, Большого Рона не смог бы никто. Да что стрелять, удержать его в вытянутой руке, было под силу наверное двум, трём охотникам из всего племени. Но и сила в луке была под стать его весу. Об этом красноречиво свидетельствовала стрела вошедшая в затылок зверя по самое оперение и вытолкнувшая жало через левую глазницу.

Дага похоронили по обычаю рыбарей. У озера, на крутом утёсе, лицом на восходящее солнце. Не пожалели рыбари и киновари на похороны. Пока гостили у рыбарей, про себя дивились их робости. При охотниках рыбари по становищу ходили тихо, на гостей поглядывали с опаской. Шутка ли, такого зверя пришлые малой охотой взяли. Домой провожали охотников с дарами щедрыми и радостью затаённой. В дары дали богатые увязки рыбы сушёной,

² Ладонь-мера счета равная 10, полная ладонь равна десяти ладоням или 100

да не только на путь обратный а и в про запас. Но, ещё больше порадовал охотников, Тим Беспалый особым, редким даром, дав в племя малый короб соли. Охотники выменивали соль на редкие меха и копчёные туши ланей. Давая за малый короб по три туши. Соль была нужна не только для сохранности припасов. Солью зимой, прикармливали и приманивали рогатую дичь. Соль обеспечивала свежим мясом племя, даже в самые лютые зимы. Что и говорить богатыми дарами, отдаривались рыбаки за оказанную помощь. Ну чтож, коль не можешь сам, то не взыщи коль придётся питать другого, того, кто может.

Волей не волей, возгордились с той поры охотники. Рыбарей почитать стали, за слабое, ущербное племя, на вроде лесожегов. Но время меняет все. И если духи леса благосклонны сегодня к охотникам, то завтра могут и отвернуться. Что им могучим за дело, до мелких людшек, живущих в их лесу и добывающих их зверя. Рассердятся и отнимут у охотника удачу. И тогда, что ни делай, все не впрок будет. Вот и сейчас не угодили видно охотники духу леса, обидели чем-то. Вот он и рассерчал, взял, да и отнял у них удачу, а с ней и добрая охота ушла. Тут уж не до гордости стало. Нужда заставляла искать помощи у рыбаков. Охотники, за глаза, посмеивавшиеся над ленивыми соседями, не уходившими от своих озёр, дальше дневного перехода, теперь сами вынуждены были искать их расположения. А уж чем отдариваться придётся, и за помощь и за их прошлые богатые дары, Айк и думать не хотел.

Под ногами зачавкало. На бегу Айк не сразу и заметил, что грунт стал мягче и постепенно превратился в неприятную жижу. – Так вот оно что, – удивлённо подумал Айк.

– Вот оно оказывается, как. Раннее тепло убивало заливные луга. И трёх лун не сменилось со дня, когда свет начал бороться тьму, а тёплые воды уже подточили луговую почву.

– Теперь не будет здесь буйства летней зелени, – с огорчением думал Айк. Размыв лёд под тонким слоем почвы, тёплые воды превращали богатые пастбища, в мёртвое, гнилое болото. Непостижимым образом, задолго до появления первых видимых признаков, звери почувствовали грядущие перемены и уходили кто куда. Не будет теперь здесь, ни здорового зверя, ни хорошей охоты. Пришла пора уходить и людям, в своей вечной погоне за лучшей жизнью, в поисках хорошей земли и доброй охоты. К счастью для Айка, кусачие морозы ещё держались темными ночами, не давая земле окончательно размокнуть. Да и луга должны были скоро закончиться переходя в сплошную стену смешанных лесов, раскинувшихся к северу, до самых гор, покрывших и самой горы своим мохнатым, зелёным пологом. Желудок Айка требовательно заурчал. Но становиться на стоянку, на мокрой земле, было бы верхом глупости. Распаренное долгим бегом тело, вмиг впитало бы в себя сырую хворь. – Перекусить можно и на бегу, а на ночь устраиваться, куда удобней в сухом лесу и у тёплого костерка, – здраво рассудил Айк. Достав на бегу полоску сушёной оленины, Айк не останавливаясь принялся уплетать её за обе щеки. Солнце коснулась горизонта, одновременно с Айком, вбежавшим под надёжное укывище лесной чащи.

Айк уютно устроился под большим замшелым камнем, выкопав у самого основания небольшую площадку так, чтоб вздумавший поохотиться на него ночной зверь не смог напасть ни со спины ни сверху. Достав из заплечного короба и бережно развернув огневицу, – рогульку с закреплённой в ней сухой палочкой, Айк накинув на палочку жилу начал трудиться, вращая её из стороны в сторону. В конце концов из ямки в рогулке, где была закреплена палочка, заструился сухой дым. Айк подсыпав высушенный и растолчённый в порошок мох, ещё энергичнее начал дёргать концы жилы, убыстряя вращение палочки зажатой в рогулке. Вскоро, моховой порошок заалел первыми искрами живительных огоньков. Через краткое время, бережно раздуваемые Айком искры побежали багровыми сполохами. И вот, весёлый, малый костерок очертил ярким оранжево-жёлтым кругом ночную стоянку Айка. Умный зверь знал, что граница этого круга ему недоступна. Ну а глупого, ждал медный топор и стрела из тугого лука, лежавшего пока с отпущенной тетивой. Да и сам Айк, спал так чутко, что редко какой зверь, мог подкрасться на два полёта стрелы, не потревожив охотника. Подрумянив на костерке

пресную лепёшку и слегка обжарив малый ломоть мяса Айк не сказать, чтобы сытно, но вкусно поужинал и подкинув в костерок несколько толстых веток, задремал в пол глаза, дожидаясь пока уставший за день дух солнца не выйдет из своего ночного укывища, окрашивая нежно розовым светом верхушки далёких гор и макушки деревьев.

С первым светом, тщательно прикопав остатки костра и по мере сил уничтожив следы своей ночёвки, Айк лёгким шагом углубился в лесную чащу. До голубых озёр рыбарей осталось два дня пути.

Кошка

Нет зверя настолько дикого, чтобы он не отзывался на ласку.

Эразм Роттердамский

В середине второго дня Айку выпал случай полакомиться свежим мясом. Но как и все в этой жизни, случай зависит от воли вездесущий Великого Духа, или Духа всех духов. Так и в этот раз, чему не суждено, то и не случилось, по его слову, по его желанию. Хотя не Айку было винить Великого Духа. В том, что случилось, виноват был он сам. Может быть самую малость подсмеялся над ним Великий Дух вложив в верный час в сердце Айка, не нужную и неуместную для охотника жалость. Айк бежал лёгким охотничьим бегом, запросто перепрыгивая, через почерневшие стволы лесного бурелома, не глазами чутьём угадывая, куда и как свернуть, когда уклониться от хлещущих колючек подлеска, где поднырнуть под низко нависшую ветвь. Но вдруг, что-то изменилось в окружающем мире. Незримый дух опасности, заставил Айка умерить свой бег. Айк затаился, чутко вслушиваясь в притихший вдруг лес. И опять, зрение и слух оказались бесполезны. Лишь охотничье чутье в последний миг заставило послушное тело молниеносно среагировать. Айк длинным прыжком отскочил в сторону, на лету выхватывая из-за опояски медный топор. Черно-рыжее тело живой молнией прочертило воздух, обдав Айка тяжёлым мускусным духом. Едва коснувшись земли и поняв, что промахнулась, большая рыжая с черными пятнами дикая кошка метнулась в заросли густого кустарника и жалобно взрыкнув исчезла из поля зрения Айка. – Затаилась зверюга, – унимая бешеный стук сердца, хладнокровно обдумывал ситуацию Айк. Оставлять за спиной опасного хищника было нельзя. Страшно и подумать, что было бы, не среагируй он в самый последний момент на ее прыжок. Лежать бы тебе сейчас охотник с перебитой когтистой лапой шеей, на этой вот прогалине, и уходя в чертоги Великого Духа, горько стенать о недожавшимся помощи племени. А сейчас кошка затаилась, ожидая кода он подставит ей спину. Зверь был умён, понимая злую силу медного топора и ловкость молодого охотника. Айк осторожно раздвинул топором, ветви густого кустарника, готовый моментально отпрянуть в случае внезапного нападения. Но делать ничего не пришлось. Кошка лежала здесь, поверженная, притихшая и уже не опасная. Обломанный окровавленный сук с острым шипом прошил переднюю лапу, лишив хищника возможности двигаться. Услышав шум раздвигаемых Айком ветвей, издав жалобный вой и извернувшись вокруг пленившего ее сучка всем телом, хищница все-таки умудрилась развернуться мордой к врагу, предпочитая встретить смерть лицом к лицу. Теперь Айк никуда не спешил. Исход предстоящей схватки был ясен и зверю и человеку. Лишь на миг глаза Айка встретились с глазами хищника. Но и этого мига хватило Великому Духу, чтоб сыграть с охотником злую шутку. В одно мгновенье, во взгляде кошки Айк прочел то, что пожалуй, не смог бы прочесть даже во взгляде человека. И неизбежную тоску, перед неизбежной

и страшной кончиной, и затаённую боль, и досаду на не справедливую судьбу, так не кстати подсунувшую ей этот злополучный сук, и тоску по большому и светлому миру, который ей предстояло покинуть в следующий миг. Айк и сам не понял, что произошло. Да только скинув заплечный короб и выбрав нём жилу покрепче, да подлинней, он сноровисто связал из неё силковую петлю и одним движением накинув на морду зверя, стянул так, что страшная пасть уже не могла раскрыться без его воли. Зверь лежал, не шелохнувшись, словно понимая, что задумал Айк. Острым медным ножом, Айк осторожно обрезал торчащий из лапы сук со злополучным шипом и резким движением выдернул обломок из раны, одновременно отскакивая назад и распуская силковую петлю. Но дёрнувшийся от боли зверь и не думал нападать. Изредка недоуменно встряхивая головой и недоверчиво косясь на Айку, кошка принялась тщательно вылизывать кровавую рану. Айк сделал еще одну глупость, о которой потом в племени стоило помалкивать. Из своих скудных запасов он вытащил оставшийся кусок мяса и отрезав чуть не половину, кинул, по всему видно оголодавшему зверю. Одним движеньем головы кошка поймала в воздухе мясо и довольно урча, принялась пережёвывать непривычно жёсткую пищу. Непонятно почему, но на душе у Айку стало легко и весело. Ничуть не опасаясь зверя, он беззаботно рассмеялся, закинул за спину походный короб и беспечно повернувшись спиной к хищнику продолжил свой неутомимый бег.

На третий день пути, в воздухе отчётливо запахло водой. Изрядно оголодавший Айк издали учуял дым костра и едва уловимый запах свежей рыбы. Дух Солнца ещё и на четверть не свершил свой до бесконечности однообразный путь, когда Айк вышел к берегу озера. Становище рыбарей, уютно разместилось на небольшой площадке прибрежного утёса в трёх довольно обширных пещерах. У входа в пещеры весело горели сторожевые костры, охраняя жильцов от ночного хищника. Из становища доносились звуки голосов, треск костров и вкусный дух готовящейся на огне утренней снеди. Айк легко взбежал по утоптанной тропинке к площадке со сторожевыми кострами. Заспанный ночной страж встрепенулся и в последний момент, схватив прислонённую к камню острогу, заступил Айку путь. – Тоже мне сторожник, – презрительно подумал Айк. Да подымись он не бегом, а неслышимым охотничьим шагом и всполохнуться бы не успел нерадивый страж. Тем не менее Айк добродушно ухмыльнувшись, отодвинул пальцем, чуть ли не в грудь упёршееся жало остроги и пояснил мешая охотничьи и рыбарские слова, что ему нужен Тим Беспалый. Страж приняв важный вид, начал было допытываться, что за дело у молодого охотника, раз он осмелился беспокоить самого Тима Беспалого. Однако не тут-то было. Айк с независимым видом уселся на небольшой валун, и устремив взгляд на лишь ему одному ведомую точку леса погрузился в ожидание, ни одним движением мускулов ни полу взглядом, ни жестом не выказывая своего нетерпения и не обращая на ночного стража никакого внимания. А страж разошёлся не на шутку. Видя полное пренебрежение к себе со стороны Айку, он сначала повысил голос, потом стал делать угрожающие движения, пытаясь напугать молодого охотника грозной острогой. Он замахивался как для удара и оставливал костяное жало у самой груди Айку, делал невероятные прыжки, выкрикивая угрозы прямо в лицо юноши. Однако ни что не могло поколебать невозмутимости Айку. Живым столпом сидел он на валуне, ни проявляя к происходящему, никакого интереса. В конце концов, видимо привлечённый непонятным шумом из пещеры вышел Тим Беспалый. Одним взглядом оценив обстановку он не торопясь подошёл к ночному стражу, крепко взял за ухо и развернув в сторону пещеры отпустил увесистый пинок, указывая дорогу а заодно, и его место у племенного костра. Ошарашенно взыв, больше от обиды, чем от боли, стражник опрометью скрылся в пещере. Айк поднявшись с валуна приложил руку к сердцу и почтительно склонил голову, приветствуя старейшего племени рыбарей. Тим ответив, вежливым кивком, жестом пригласил Айку в пещеру.

Они сидели у племенного костра, и Тим Беспалый терпеливо дожидался, пока Айк утолял голод, поданной ему варёной рыбой. Наконец утолив первый голод и памятуя, о том,

что долго испытывать терпение хозяев, тоже не вежливо, спокойно и с достоинством изложил Тиму просьбу охотников. Тим слушал не перебивая, лишь время от времени покачивая белой головой. Когда Айк закончил свой рассказ, Тим ещё долго сидел молча, словно к чему-то прислушиваясь. Видимо что-то решив для себя, Тим встал и предложил Айку следовать за собой. Они прошли недалеко, к малой нежилой пещере, вход в которую, был завален камнями и несколькими, большими лесинами. По знаку Тима, двое рыбарей отвалили тяжёлые, покрытые мхом стволы, освободив малый проход. Айк взяв протянутую рыбарём горящую ветвь, вслед за Тимом прошёл в пещеру. По всей пещере были расставлены деревянные подвески и настилы. На подвесках сплошными увязками хранилась, сушёная, вяленая и копчёная рыбная снедь. На настилах в больших глиняных корчагах, лепить которые, рыбари были известные мастера, плотными укладками хранилась рыба пересыпанная драгоценной солью. У Айка глаза загорелись от такого изобилия. Горящая ветвь начала чадить и гаснуть. Тим махнул рукой к выходу.

– Ты все видел сам, – выходя на площадку перед пещерой и обращаясь к Айку, сказал Тим.

– Для нашего племени, это не большой запас. Едва – ли на две полных луны хватит. Но духи озера любят своих детей, и свежая рыба пока не перевелась. Людям не дано знать, что ждёт их завтра. Но старейшина должен думать о том, чем кормить их когда завтра наступит. Я могу дать припас на ладонь дней пути твоего племени, но большего не проси.

Айк задумался. То, что давал Тим, было мало. С таким припасом, далеко на юг племени не уйти. Айк, достал из – за опояски медный топор и положил к ногам Тима. Старик остался недвижим. Айк с явной неохотой снял с шеи бронзовый нож и положил рядом с топором.

Он мог поклясться, что глаза Тима жадно блеснули, при виде столь щедрых даров, но ни словом ни жестом, старейшина себя не выдал. – Ты пока забери это, – с явным сожалением, но по прежнему твёрдо сказал Тим. Пойдём лучше в пещеру, ты отдохнёшь с дороги, а я соберу мужчин, которые понесут припасы. Айк понял, что других слов он пока не услышит и огорчённый молча пошёл в пещеру, следом за Тимом. По всем прикидкам выходило, что на обратный путь с рыбарями и припасами уйдёт дней как в пол руки. Снятся со стойбища, это тоже время. А припасы будут таять, да и что там на юге, ещё тоже неизвестно. Припасы брать надо, иначе племя погибнет. Но ближайшее будущее добра не сулило. Это Айк хорошо понимал. Но все-таки он видел этот огонёк в глазах Тима. Не может быть, чтоб Тим Беспалый так и отпустил его, не сказав больше ни слова. Вышло так как Айк и думал. Уже заготовлены были коробка с припасом, уже шесть рыбарей готовы были положить на плечи тонкие лесины, на которые как грибы на пруток нанизаны были коробка, когда из пещеры вышел Тим, и знаком велел, всем присесть.

– Я вот что думаю, – после короткой паузы начал он. – Зачем вам на юг идти? Там леса редкие, а дальше к югу и вовсе леса нет говорят. Дальше одно большое поле, в котором и воду не всегда сыщешь. Айк было встrepенулcя спросить, кто рассказал про большое поле. Но Тим полным достоинства жестом остановил его порыв. – Пол луны назад прошло мимо нас племя, с краёв где восходит солнце, – продолжал старый рыбарь. – Им мы тоже, малость припаса дали. Удивительное племя, большое. Три полных ладони людей мои насчитали. Мастера и умельцы большие. Глину обжигают не как мы с древесной лозой, а целиком, лозу не обмазывают. И охотничья снасть у них все больше такая, – ткнув пальцем в висящий на груди Айка нож, пояснил старик. Горазды они и зверя бить и рыбу вылавливать. Знают и как злаки на прожиггах выращивать. Хорошее племя умелое. Старшиной у них почтенный Корн. По-нашему мало говорят, а их язык птичий клёкот напоминает. Кое – как, больше знаками, объяснились, что со стороны между югом и восходящим солнцем пришло в их земли, большое племя злых людей. Напали под утро на племя ястреба, самое большое и сильное среди детей Великой птицы. Ястребы отчаянно дрались, за свои жилища. Да вот только птичий народ, людей убивать не умеет,

а пришлые по всему видно, только этим и живут. Не устояли Ястребы, а за ними и Сова. Пол ладони племён насчитывал род птицы, по их счету пядь называется. Осталось только племя ворона, да остатки Ястребов к ним прибились. А шли они, от беды такой на исход солнца. Он Тим, старый уже, и много видел за свою жизнь. Но людей с такими выцветшими лицами, с такой печалью в глазах видел, только, или совсем больных, или совсем старых, перед самым уходом к Великому Духу. И ещё, люди сильные и крепкие телом в роду птицы. Но в глазах, а значит и в душах увидел Тим такой страх, что не в привычке даже у лесожёгов, боящихся не то что зверя бить, но и рыбу вылавливать. Вот и вспомнил я сегодня про Большого Рона, да про его знатный лук, – с ноткой искренней зависти закончил свой рассказ Тим. – Вам бы не на юг, а к нам поближе, – пристально глядя в глаза Айку, настойчиво добавил старый рыбарь. – Вместе оно способнее любую недужь перемочь. А на юге кто его знает, вдруг злые люди, встретят ослабшее и оголодавшее племя охотников. А здесь и птичье племя неподалёку станет. У них запасов – то, едва на два дня ходу.

Так вот оно что. Хитрый Тим, не хотел отпускать охотников далеко от своего племени. Он точно знал сколько припаса надо, чтоб племя пришло под бок к рыбарям, а не ушло в далёкие южные земли. Для похода на юг, за дичью, припаса надо было, гораздо больше. Нужна, нужна защита старому рыбарю. – Ты Лику говори, как я тебе сказал, – заторопился Тим, заметив тень недоверия на лице Айка. – От себя ничего не добавляй, строго подняв палец, – уточнил он. – А придут охотники, мы их прокормим, ты не думай. Сделаешь все как надо, – тут Тим на мгновение запнулся и махнул рукой мальчонке крутившемуся неподалёку. Мальчишка в вразвалочку побежал к пещере, гордый поручением старейшины. Через краткий миг, из пещеры крепко держа мальчугана за руку вышла девушка, почти что девочка с волосами цвета сухой травы. – Внучка моя, Мала, – гордо приосанившись пояснил Тим. – Следующей весной, после большого нереста, человека ей искать буду, пора уже. Ты, хороший человек, сильный охотник. Вы будете славной парой, – пристально глядя на зардевшегося Айка, пояснил Тим. – Только приведи ко мне Большого Рона, – добавил он. – И вот ещё, вот что. Нож, считай, ты мне подарил, – Тим ткнул Айка в грудь согнутым пальцем. – Так вот, теперь я дарю его тебе. Не детям медведя, а тебе охотнику Айку. Дарю за великую услугу. За то, что ты приведёшь детей медведя. Ты все понял? Все сделаешь? Опешивший и потерявшийся Аик, машинально кивнул, хотя был без права, что-либо отвечать, а уж тем более, обещать старейшине рыбарей. Но сделанного не воротись и в обратный путь Аик отправился с тяжёлым сердцем. Мудр и хитёр был Тим беспальный. Охотники вольный народ и ни какая тропа им не заказана. А рыбари привязаны к великой реке, да озёрам, питающих их племя, им сняться с насиженных мест, много труднее. Да и куда они пойдут? Если только искать конец Великой реки. Так опять – же, Великая несла свои воды к югу, а там злые люди, по словам самого Тима. Вот и собирает Тим Беспальный вокруг себя племена. Как вожак зубров, собирает молодых быков, чтоб способнее от волков отбиваться. И Айка неопытного, обвёл вокруг пальца, хитрый рыбарь. Ни к чему ему медный топор, да бронзовый нож не нужен, коль все племя придёт, с топорами ножами, да луками. А придёт, надо будет кормиться из рыбарьих запасов. Когда ещё новую охоту найдут дети медведя. А кормясь из рук рыбарей, поневоле придётся и селиться рядом. А поселившись и родниться. Кто удержит молодых обоих племён, от похода в лес, слушать духов³. Вот и Аик попался на это крючок старому рыбарю, хотя что и говорить, девушка Мала была ох как хороша. Сердце Айка радостно трепыхнулось при воспоминании о соломенноволосой и синеокой рыбарки.

³ «Слушать духов» – описание брачного обычая.

Совет

Говорят, что на кольце Пифагора был выгравирован следующий девиз:
«Кратковременная неудача лучше кратковременной удачи»

Абу ль Фарадж

Айк стоял перед Ликом Сухоруким и уперев взгляд в землю, старался слово в слово пере- сказать послание Тима Беспалого. Лик слушал молча по привычке жуя обвислый ус. Когда Айк закончил, Тим ещё долго стоял в глубоком раздумье. Глубокая поперечная борозда пролёт- шая меж бровей, показывала, как тяжело, даётся решение старому охотнику. Наконец тряхнув головой и тяжело вздохнув Лик что-то решил. Лёгкая сухая рука опустилась на плечо Айка. – Не вини себя, – твёрдо сказал Лик. Если кто и виноват, так это я, – пояснил он. – Нет бы ста- рому дурню, Рона послать, или кого поопытней. Да и не в этом дело. Кого не пошли, Тим все равно бы сделал так, как сделал. И мы не из – за посланца, а от нужды великой, приняли бы любые его условия. Род не вымрет от голода и будет жить. Тяжело-ли, хорошо-ли, плохо-ли? То ведомо, только Великому Духу. Но главное, род будет жить! Поэтому твоей вины здесь нет. А то что уцелел в дороге, вернулся с припасом и нож в племени оставил, так за то тебе и честь. Нож, оно конечно, теперь твой. Но ты, не водящий охоту. Так что по хорошему, тебе бы его Рону вернуть. А с другой стороны, увидит Тим, нож у Рона обидится, что его даром прене- брегли. Так что оставь пока у себя. С Роном и охотниками я поговорю, они поймут. Ну а буде, поведёт Рон охоту, ты уж будь добр, нож ему хоть на время охоты, а дай. Нож этот, не просто нож. Душой чую, многое в этом ноже сокрыто. Добро-го-ли, зло-го-ли? Не ведаю. Но много. А теперь ступай, отдыхай. С утра, сниматься со стойбища будем. Мало припасов дал Тим. Едва, едва, до рыбарей дойти.

Когда Айк отправился спать в свой земляной дом, или землянку, как стали называть охот- ники принятое от странного племени строение, Тис Сухорукий кликнул охотников на большой круг. Большой круг собирали на приметной поляне, вокруг которой и ставили дети медведя свои землянки. В центре поляны разводили, кострище и по достатку каждого кидали в него, кто птицу, кто шкурку белки, а кто и сердце зубра, принося дары духам леса. Считалось, что от величины дара и дух даст в прибыток, кому малую щепоть охотного счастья, а кому и полной горстью отпустит. Рон всегда приносил в дар, сердце зубра, а то, при большой удаче, и печень медведя. Но не та пора пришла в род медведя. Сегодня охотники делились с духами рыбой сушёной. А Лик Сухорукий, отдавая дары огню, ворчал на духов, спорился с ними. – Вот какую дали охоту, то и в дар берите, – приговаривал Лик бросая в огонь мелкую рыбёшку. – Забыли детей медведя, оставили на скуднѐе пропитание, вот и самим теперь не сытнѐ будет. Ругать духов, было обычным делом в понимании охотников. Дух он ведь как. Тот же человек, только

невидимый и очень могущественный. Он ведь тоже, когда-то был или охотником или зверем, так что должен понимать, что от плохой охоты и ему плохо. Поэтому охотники, конечно большей частью хвалили и всячески угождали духам. Но случись что, и поругать не стеснялись. Сейчас у большого кострища Лик Сухорукий, попеняв духам, тут же и похвалил их назвав и сильно-могучими и добрыми, и совета испросил и помощи в трудном деле принятия правильного решения. Постучав в бубен с побрякушками сделанный из гнутой кости зубра и его же шкуры, чтоб духи лучше слышали. Лик обратился к охотникам, поведав им о походе Айка и предложении Тима Беспалого. – Вот я и спрашиваю Вас, как быть нам и что делать? Что присоветуете, дети медведя? – закончил старейшина свой рассказ. Не спеша поднялся с земли Большой Рон, расправ свои могучие плечи. Повёл ими, словно пробуя на месте-ли сила и решительно махнув рукой строго сказал. – Не нравится мне все это. Не были дети медведя под рыбьями, и никогда не будут. Послали мальчишку за помощью, а он и рад стараться, на все согласен, ради куска рыбы. Мало-ли, что там Тим наобещал. Мол и припасом рыбаки поделятся, и жить подле себя пустят, и охоту в своих лесах разрешат. Все это от слабости их. Бойтся Тим худых людей пришлых, вот и весь сказ. Потому и зовёт охотников. Потому и припаса малой помощью дал, чтоб далеко не ушли. Хитро́Говорят, что на кольце Пифагора был выгравирован следующий девиз: «Кратковременная неудача лучше кратковременной удачи»

Что это ты там про нож. Твой нож? Разве он твой? – А чей же? – обиженно вскинулся Рон.

– Этот нож, принадлежит роду, – жёстко ответил Лик, рубанув здоровой рукой воздух.

– Тебе род доверил охоту водить и нож хранить. Понимаешь, хранить нож, который ты без совета и без права отдал в дар Тиму Беспалому. Который Тим, имел полное право, хоть выбросить, хоть подарить, кому бы – то ни было. И хвала духам леса, что Айка принёс его в род. Но о ноже, отдельный разговор. А сейчас скажи. Куда бы ты повёл детей медведя? А заодно поразмысли, что делать будем, если по дороге злых людей встретим. Стоявший потупив взгляд под жестокими словами Лика, Рон, гордо поднял голову. – Про злых людей, что Тим наговорил, то нам и ведомо. И мы не знаем есть ли они на самом деле, нет ли их. А то если и есть, встретим так, что волкам хорошая пожива будет. Будут духа леса о милости просить, чтоб укрыл их от моих стрел и наших охотников. У меня охоты, две с половиной ладони. Да какой охоты? Охотник к охотнику, как веточки на молодом дубе. Вон хоть Дака взять. Ему и лук не нужен. Его копье летит и дальше и точнее любой стрелы. Да того же Айка, кто из злых людей обгонит? Нет, охота у меня добрая. Нам злые люди не в страх. Мы же не рыбаки, у которых в жилах вместо крови водица озёрная. Не торопясь с полным сознанием своего достоинства к кострищу вышел Гур Клещ, прозванный так за необычайно цепкую силу пальцев. – Размыслил я, что прав оказывается Дака, – кинув острый взгляд из-под нависших бровей, молвил он Рону. – Силы в тебе Рон много. Дурной надо сказать силы. Помнится мне, что Тим Беспалый говорил про птичий род. А говорил он, что от большого рода в несколько племён, после встречи со злыми людьми, уцелело всего две полных ладони людей-то. А ты нам, про две с половиной ладони охоты рассказываешь. Так то, уцелело столько. А сколько побили злые люди, сколько с собой увели, то нам неизвестно. И не кого-то там побили, а по словам Тима и охотников хороших и мастеров умелых, у которых и снасть не нашей в стать, а получше будет. В нашем роду и двух полных ладоней, людей нет. Кабы не им, а нам, не пришлось милости духов леса просить. Особо́ при таком-то водительстве, – ткнув пальцем в сторону Рона, усмехнулся Гур. – Ты ведь всего на пол ладони сезонов старше Айка, а мнишь себя бывалым охотником, – продолжил Гур. Тебе доверил род охоту водить, по силе твоей и по отваге, но не по мудрости. Вспомни, на каждой охоте ты просишь совета у старых охотников, как ловчее погнать зверя, да как похитрей взять его. А здесь что? Побьёт он злых людей стрелами. Да через луну, не смотря на припасы рыбаков, у тебя за спиной будет слабое оголодавшее племя. И охота твоя еле ноги переставлять будет. Не от великой мудрости твои слова Рон, не от великой, – укоризненно покачав головой закончил Гур. Снова Рон стоял, сверля взглядом землю. В един

миг бывалый охотник, указал ему его место у большого костра. Подняв тяжёлую голову и смилив гордый норов, покаянно просил Большой Рон совета у старейшин племени. – Это хорошо водящий, – успокаивая недовольную ворчбу охотников сказал вновь выйдя к кострищу Лик. – Хорошо, что ты научился слушать голос племени. Потом пригодиться. Хорошо и то что старших чтишь. Ну а что, на совете тебя потрепали немного, то тоже в пользу пойдёт. Так что не взыщи, но по твоему не быть. Племя завтра с рассветом идёт к рыбакам. Мало конечно радости, да делать нечего. А вместе с рыбаками, придёт время по воле Великого Духа, будем и пришлых встречать. Только, видится мне, что и вместе с рыбаками нам не устоять. Надо слать Айка, в поиск на птичье племя. Они по словам Тима, далеко уйти не могли.

Волки

Не помнят слов, не видят снов, Переросли своих отцов. И, кажется, рука бойцов

Колоть устала. Позор и слава в их крови, Хватает смерти и любви, Но сколько волка ни корми, Ему все мало.

(Би-2)

Малые заплечные короба уже показывали дно, когда дети медведя вышли к берегу озера. Большие короба опустели и были брошены, когда луна расплнела ровно в половину. Легче было наплести новых коробов, чем тащить за собой через лес пустую и неуклюжую утварь. Посланный вперёд племени ещё день назад Айк благополучно донёс весть и Тим Беспалый выслал на встречу охотникам с ладонь рыбарей, помочь управиться с детьми и скарбом. На первое время Тим Беспалый поселил охотников в освобождённой от припасов малой пещере. Но охотники, привыкшие к воле, скопом жить в одной пещере отказались и на ночь разбили малое стойбище на берегу озера, поближе к привычному и родному лесу. На следующий день, после короткого совета у малого костра Рон разделил охоту пополам. Одну половину отправили в лес искать и валить лесины для будущего жилья. Другую Рон повёл на малый гон. Следовало проведать, есть ли по близости добрый зверь и много ли успеют до зимы добыть дети медведя. Айк почему-то даже не удивился, когда Большой Рон отрядил его на промысел леса для землянок, не взяв на малый гон зверя. Молча снял он с шеи бронзовый нож и вручил его водящему, как заранее и порядил с Ликом. – Старшим будешь на промысле леса, – лениво сказал Рон. – Падунов из лесин не бери, руби крепкий лес. Бери с запасом, чтоб на все племя хватило и на городьбу осталось. Подождав возражений со стороны Айка и не дождавшись, Рон махнул рукой и в развалку направился к охотникам, ожидавшим выхода на малый гон зверя. К Айку не торопясь подошёл Дак Копье. Только сейчас Айк сообразил, что на малую охоту, или малый гон, как его называли в племени, Большой Рон отобрал молодёжь, не считая его и внука Лика Гавра. Все бывалые охотники остались в стойбище и, судя по всему, собирались за лесом. – Чего хотел Рон? – поприветствовав Ака жестом, спросил Дак. Айк кратко передал распоряжения Рона. – Дааа, протянул Дак. Знать ошибся Сухорукий Лик, посчитав, что Рон научился голос племени слышать. – Это как? – полюбопытствовал Айк.

– Да перед исходом на большом кострище, мы поучили его малость, – кивнув в сторону охотников, пояснил Дак. – Тебя там не было, а то бы знал. Да видать не впрок наука-то. Обиду затаил Большой Рон. Да не в том беда, что обиделся. Беда в том, что не ко времени, да не на пользу роду, та обида. Ты пока охотников попридержи, а я к Лику схожу. Айк

спорить не стал. Да и с кем спорить. Дак старше его, да и в охоте, и в жизни мудрее. И что с того, что Рон его назвал старшим. Разве Айк ровня бывалым охотникам, у которых и дети уже скоро в возраст войдут. А и чудно Рон распорядился. Делать, как он сказал, так и двух лун не хватит, чтоб потребный лес нарубить. Рубить не падуны собирать. А чем падуны хуже. Буря и здоровое дерево валит. А гнилое дерево и так никто брать не будет. Что за прихоть такая, стоячий лес рубить. На один ствол почитай пол дня уйдёт. Нет, не будет Айк делать как Рон велел. Наберём падунов здоровых, да и ладно будет. Поставим землянки до возврата малой охоты, пусть потом разбирается из падунов, или из стоячков жильё поднято. Так и заявил Айк Лику, подошедшему вместе с Даком. – Правильно размыслил, кивнул Дак. Лик, пожевав ус и понюхав зачем-то воздух, покачал головой. – Вы вот что. Лес на большую городьбу соберите. Городьбу и ставьте сразу, а с землянками повремените. – Ты, – жёсткий палец Лика ткнулся Айку в грудь, – возьмишь двух охотников и поставишь шалашовки, для всех. – Ты, – палец Лика ткнул Дака, – ставишь большую городьбу. По-настоящему большую, – Лик умолк сердито жуя ус. – Не от зверей городьбу, от человеков, – добавил он, тяжело вздохнув. Дак согласно кивнул, а опешивший Айк стоял столб, столбом с широко раскрытыми глазами, пока Дак не ткнул его в бок тяжёлыми кулаком. – Чего непонятно, пошли дело править? Растерянный донельзя Айк машинально пошёл за охотником. Рону на возврате, ни чего говорить не надо. Сразу разводите большое кострище, там и потолкуем, – донёсся им в спины трескучий голос, Лика Сухо-рукого. – Ты чего это, столпом кинулся? – ухмыльнувшись, спросил Дак. – А как это, городьбу супротив человеков? – изумлённо вопросом на вопрос ответил Айк. – А так это, на человеков. Чать сам нам сказывал о злых людях, – без шутовства и заглянув, казалось в самую душу Айка, ответил Дак. Айк смутился неопределённо пожав плечами. – Вот то-то, что и супротив человеков, теперяча городьбы взводим, – горько посетовал Дак. – Знать лихие времена грядут, коли так беречься приходится, с тяжким вздохом, пояснил он. – Так мне чего, я шалашовки сей день и завтрева накидаю, а потом, с вами за лесом что – ли? – уточнил Айк. – Да нет. Мыслится мне, что для тебя другое задумал Лик. – А пока, кончай языком ворочать, пойдём охотников в лес вести. Айк пожав плечами, двинулся за старшим товарищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.